

— Что ты имеешь в виду, старший брат?

Бай Жань уставился на него с чистым, искренним недоумением.

Ли Шуанцзянь вздохнул и бережно сжал его изящные тонкие пальцы:

— Жань-эр, помнишь ли ты, какую клятву мы принесли Небесному Дао?

— Конечно. Я не забуду её до самой смерти.

— «Соединить сердца навек и вместе познать Великий Дао», — прошептал Ли Шуанцзянь, невольно сжимая его пальцы крепче. — Но скажи... твоё сердце всё ещё принадлежит мне?

— Старший брат, мне больно, — капризно надулся Бай Жань.

Но Ли Шуанцзянь и не думал ослаблять хватку:

— Ты уходишь от ответа, Жань-эр.

Бай Жань попытался вырваться, но Ли Шуанцзянь держал крепко. В уголках покрасневших глаз юноши заблестели слёзы досады — он явно начинал злиться. Будь это в другой раз, Ли Шуанцзянь уже давно бы раскаялся, обнял его и принялся нежно утешать. Но сейчас он твёрдо вознамерился выяснить, что скрывает его спутник. Даже если эта правда ранит его ещё сильнее.

Поняв, что напускная слабость больше не действует и Ли Шуанцзянь не отступит, Бай Жань резко переменялся в лице. Привычная ласковая улыбка бесследно сошла с его лица, сделав черты холодными и бесконечно чужими.

— Ты действительно хочешь это знать? — его голос стал совершенно чужим.

Ли Шуанцзянь никогда ещё не слышал, чтобы его возлюбленный говорил с ним так сухо.

— Да. Хочу.

Ему нужно было понять, в какой момент между ними выросла стена. Он хотел всё исправить. Они ведь спутники жизни, преданные друг другу соратники, а не случайные прохожие.

Бай Жань решительно вырвал руку из хватки Ли Шуанцзяня и наотмашь ударил его по щеке.

Хлёсткий удар эхом разнёсся в тишине. На правой щеке Ли Шуанцзяня медленно проступил багровый след от пальцев.

Ли Шуанцзянь представлял себе сотни вариантов их разговора, но никак не ожидал получить пощёчину от самого близкого человека. Оглушительный шок мгновенно вытеснил все остальные мысли, лишив его дара речи.

— Ничтожество! — выплюнул Бай Жань. — Я больше не люблю тебя, неужели не ясно? Неужели не видишь, что я сплю и вижу, как разорвать наш контракт? Я вытворяю бог весть что, а ты всё лезешь со своей телячьей нежностью! На что ты надеешься? Что вернёшь меня? Что мы снова будем вместе? Ли Шуанцзянь, ты же признанный гений Секты Меча! Зачем так унижаться? Будь я на твоём месте, давно бы послал меня к чёрту и нашёл другого спутника!

Каждое слово Бай Жаня ранило Ли Шуанцзяня, словно ржавый зазубренный нож. Медленно, методично этот клинок пластал его плоть — не убивая наповал, но заставляя задыхаться от невыносимой боли.

Бай Жань, выпалив всё это на одном дыхании, покачнулся. Воздуха ему явно не хватало, лицо сделалось мертвенно-бледным. Но Ли Шуанцзянь, ослеплённый горем, этого не заметил.

Человек, стоявший перед ним, казался пугающим незнакомцем. Сознание Ли Шуанцзяня отказывалось мириться с происходящим. Он ведь не был глупцом. Он помнил тепло, искреннюю любовь, нежность и счастье, которые этот юноша дарил ему прежде. То, о чём большинство суровых заклинателей меча не смеют и мечтать за всю свою жизнь. Неужели всё это время он просто тешил себя иллюзиями?

— Ты так и не ответил, зачем пришёл в Мир Демонов, — глухо произнёс Ли Шуанцзянь.

Опустошённый и разбитый, он едва держался на ногах. Слова Бай Жаня ранили его в тысячу раз сильнее, чем он мог вообразить, но он упрямо цеплялся за свой вопрос.

Бай Жань прижал ладонь ко лбу, зажмурился и долго переводил дыхание.

— У меня свои причины, — наконец выдавил он. — И тебя они больше не касаются.

Такой ответ не мог устроить Ли Шуанцзяня. Он сжал кулаки так сильно, что ногти впились в ладони до крови.

— Если ты действительно хочешь расторгнуть наш контракт... я не стану тебя держать.

Ли Шуанцзянь вдруг горько усмехнулся. Учитель когда-то говорил, что его врождённая кость меча идеально подходит для Пути Безжалостности. А он, глупец, пренебрёг этим и первым среди сверстников обрёл спутника на пути совершенствования — да ещё и ученика Секты

Обоюдного Согласия, с которой заклинатели меча никогда не ладили.

И правда, они просто несовместимы.

Бай Жань удивлённо приоткрыл глаза, вглядываясь в лицо Ли Шуанцзяня с мимолётным подозрением.

— Ты действительно согласен?

— Я сделаю всё, что ты пожелаешь.

— Тогда я хочу расторг... — Бай Жань не успел договорить. Из его рта брызнула алая кровь. В глазах юноши потемнело, и он без чувств рухнул на пол.

Сельская радость

Шэнь Цин и Сюань Ли молча таращились друг на друга, а затем переводили потрясённые взгляды на Лун Юаня, который послушно суетился у плиты на подхвате у Се Тяня.

Совсем недавно Предок Драконов без лишних слов зашвырнул их обоих в Белый нефритовый дворец, и они уже мысленно приготовились разойтись по своим комнатам, чтобы больше никогда не пересекаться. Но не прошло и часа, как Лун Юань лично пригласил их в пространство «Сельской радости», объявив, что Се Тянь устраивает ужин.

Никто из них понятия не имел, что успело произойти между этими двумя за столь короткое время, но их отношения явно стали ещё ближе.

Сюань Ли с неопикуемой гаммой чувств на лице наблюдал за тем, как великий Лун Юань, закатав рукава, с предельной сосредоточенностью моет овощи для Се Тяня. Идеал могущественного Предка Драконов рушился прямо на глазах.

«Может, незаметно запечатлеть это зрелище с помощью камня записи образов?»

Если привезти такую запись в Мир Драконов, на ней можно будет баснословно нажиться, шантажируя старейших предков.

Пока Сюань Ли колебался, Шэнь Цин уже перешёл от мыслей к делу.

У Сюань Ли от такой наглости глаза на лоб полезли.

— Ах ты, жалкий смертный! — едва слышно, но яростно прошипел дракон. — Опять ворует тайны нашего клана?

Но Шэнь Цин в пространстве «Сельской радости» чувствовал себя в полной безопасности. В конце концов, это была личная обитель его близкого друга, а не владения Предка Драконов.

— Кричи-кричи, погромче, чтобы они тоже слышали, — лениво и дерзко отозвался Шэнь Цин.

Сюань Ли тут же прикусил язык. И как только ему в голову пришла мысль, будто Шэнь Цин — холодный и неприступный заклинатель? Всё-таки первому впечатлению о людях верить нельзя. Се Тянь оказался тем ещё пройдохой, да и этот Шэнь Цин ничуть ему не уступал.

Тем временем маленькие Се Цзиньлинь и Алая Капля ловили рыбу в протекавшей неподалёку речушке. Рыбы там водилось немного, но оба малыша были далеко не простыми детьми, так что очень скоро в воде не осталось ни одной живой души.

Выловив всё дочиста, Се Цзиньлинь аккуратно отпустил двух рыбин обратно в воду и похлопал ладошками:

— Папа говорил, что нельзя забирать всю рыбу разом. Нужно обязательно оставить парочку, чтобы они завели малышей!

Алая Капля посмотрел на двух выпущенных рыб, которые, к слову, оказались одного пола, и авторитетно кивнул:

— Супруга хозяина так много знает!

Се Цзиньлинь тут же сердито надулся и прижал пальчик к губам:

— Тсс! Папе очень не нравится, когда его называют супругой. Ты разве не слышал, как дядя Сюань Ли зовёт его молодым господином Се?

Алая Капля озадаченно нахмурился. Но ведь его хозяину это обращение очень даже нравилось! Впрочем, поразмыслив своей крошечной головкой, он пришёл к выводу: раз хозяин так сильно любит Се Тяня, значит, и чувства самого Се Тяня нужно уважать.

— Ладно, больше не буду так говорить, — покладисто согласился он.

Малыши подхватили плетёные садки и со всех ног припустили к дому.

— Папа! Папочка! Мы наловили рыбы! А ещё я отпустил двух обратно, как ты учил! — звонко

закричал Се Цзиньлинь, спеша похвастаться своими подвигами.

Се Тянь вышел из-за печи, подхватил сына на руки и звонко поцеловал в щёку:

— Умница мой. Беги к дяде Шэню, подождите там. Рыба готовится быстро, скоро всё будет на столе.

На самом деле ни один из обитателей этого двора — будь то люди или иные существа — давно не нуждался в пище для поддержания сил. Даже самый маленький из них, Се Цзиньлинь, мог обходиться без еды. Но малыш рос жуткой сладёной, а его отец свято верил, что жизнь дана человеку ради вкусной еды.

Что же касается самого могущественного существа в этой компании, то в его сутках теперь было два самых любимых момента. Первый — когда он засыпал в объятиях Се Тяня. И второй — когда он садился за один стол с Се Тянем и маленьким Цзиньлинем.

Лун Юань смотрел на них, и на душе у него становилось тепло.

«Наверное, именно это простые смертные и называют семьёй»

<http://bllate.org/book/20314/2267104>